

УДК 394 (470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-7-22

ПАШЕННОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ХЛЕБНЫЕ ЗЛАКИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАБАРДИНЦЕВ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), E-mail: bbarasbi@yandex.ru

Представлена общая характеристика традиций пашенного земледелия кабардинцев, их места в культуре первичного производства кабардинских черкесов. Отмечается, что хозяйственный уклад, сложившийся в Кабарде, можно определить как земледельческо-скотоводческий, при котором необходимо отдать должное синергизму и сравнительно высокому развитию каждой из этих двух отраслей, но нет оснований говорить о бесспорном приоритете земледелия или скотоводства. Дается краткая характеристика системы переложно-залежного, подвижного земледелия и основных хлебных злаков – проса, ячменя, кукурузы. Особое внимание уделяется их месту в языковом сознании и традиционной культуре питания адыгов, а также – в традиционных религиозно-магических представлениях. Подчеркивается, что преобладание проса в сельскохозяйственном производстве адыгов было связано не с отсталостью земледелия в Черкесии. Главные причины выбора такой формы хозяйствования: 1) характер черкесских земель и угодий, 2) высокие полезные свойства пищи, приготовленной из пшена, 3) глубокое духовно-нравственное содержание, которым наполнялась эта пища.

Ключевые слова: кабардинцы, черкесы, Северный Кавказ, зерно, зерновые, просо, ячмень, организация весенних и полевых работ, аграрные праздники.

Древние корни и специфика земледельческой культуры кабардинцев

Культура первичного производства кабардинцев и других черкесских народностей складывалась под влиянием благодатной природы Северного Кавказа, на плодородных землях его степей, предгорий и гор.

Наличие этих зон обусловило сравнительно высокое развитие двух главных видов хозяйственной деятельности: пашенного земледелия и отгонного скотоводства. При этом сложно структурированное и хорошо организованное скотоводство в своем развитии несколько не уступало земледелию. Иногда кабардинцев относят даже к числу тех групп черкесского народа, которые занимались преимущественно скотоводством¹. Такое мнение, возобладавшее среди советских историков, нашло отражение в двухтомной «Истории Кабардино-Балкарской АССР»². Однако согласиться с этим можно лишь отчасти. На наш взгляд, хозяйственный уклад, сложившийся в Кабарде с древних времен, должен быть определен как *земледельческо-скотоводческий*. Соответственно традиционный хозяйственный быт и уклад кабардинцев и черкесского народа в целом следует рассматривать с учетом тесного, четко выверенного взаимодействия земледелия и скотоводства. Иначе говоря, это тот случай, когда необходимо отдать должное синергизму и сравнительно высокому развитию каждой из этих форм или отраслей сельскохозяйственного

производства, но нет серьезных оснований говорить о явном преобладании и беспорном приоритете одного из них.

Такое положение породило разные, порой противоречащие друг другу оценки хозяйственного уклада адыгов. К примеру, Т. Лапинский, который долгое время жил в Западной Черкесии считал, что «преимущественное занятие адыга – земледелие, которое дает ему и его семье средства к жизни»³. В то же время И.Ф. Бларамберг подчеркивал, что в Черкесии скотоводство является «самой важной статьёй их хозяйства», что «по числу скота оценивается богатство семьи»⁴. Даже в Западной Черкесии, где скотоводство, казалось, менее развито, чем земледелие, для обеспечения только экспортных нужд, адыги, по оценке В.К. Гарданова, «должны были содержать ежегодно более 6 млн. овец»⁵. Но при этом, как сказано, важно учитывать постоянно действующую внутреннюю связь и взаимозависимость земледельческого и скотоводческого хозяйства черкесов. Высокий уровень организации скотоводства и коневодства (в том числе отгонного) в Западной Черкесии и в еще большей степени в Кабарде оставался в течение многих столетий не только одним из главных условий столь же высокого развития пашенного земледелия, но и закономерным следствием, результатом этого развития.

В основе пашенного земледелия лежала, как известно, хорошо выверенная и отработанная в течение многих веков система переложно-залежного типа, действовавшая в той или иной форме во всех областях равнинной и предгорной Черкесии⁶. Пашня использовалась под посевы обычно 6–12 лет. Затем ей давали отдых на 8–10, 5–6 лет, в течение которых земля использовалась поочередно под выпас скота и сенокос, то есть для нужд скотоводов и скотоводческого хозяйства. Дополнительно к этому практиковалась определенная очередность культур, используемых для засева одного и того же участка. По данным, относящимся к XIX столетию, первый год засевали его, как правило, просом, второй год пшеницей, третий год кукурузой, четвертый год ячменем или овсом⁷.

Еще в начале XIX в. Г.Ю. Клапрот достаточно точно описал основные черты переложно-залежной системы в Черкесии. «Система земледелия, коей следуют черкесы, – очень проста, так как они никогда не удобряют землю. Весной они сжигают всю траву на земле, кою они решили засеять, таким вот образом земля и получает свое единственное удобрение. Земля затем один раз подвергается вспашке, после чего семена боронятся деревьями, лишенными своей листвы. Они засевают один и тот же участок земли два или три последующих года и, когда та истощается, расчищают новый участок. Когда они таким вот образом истощают почву на расстоянии в несколько верст вокруг села, то переселяются со всеми своими пожитками на новое место»⁸.

О том же спустя тридцать лет писал И.Ф. Бларамберг. «Земледелие у черкесов весьма примитивное, так как они не удобряют землю. Весной траву на участке, который должен быть засеян, выжигают, и пепел – это единственный вид применяемых удобрений; затем землю вспахивают, высевают семена и боронят с помощью веток дерева с листвой на них. Их плуг похож на тот, что применяется на Украине; в плуг впрягают несколько пар быков. Один и тот же участок земли обрабатывается в течение двух-трех лет подряд, а когда земля истощается, и падают урожаи, переходят на другой участок. Как только земля оскудеет вокруг аула радиусом в несколько верст, жители со своим скарбом перебираются на новое место, на неиспользованные до сих пор участки земли»⁹.

Практика переложно-залежной системы земледелия сложилась на Северном Кавказе, видимо, очень давно еще во времена расцвета майкопской культуры. И также точно, как в древности дополнялась и находилась в тесном взаимодействии с подвижным или отгонным скотоводством, способствуя повышению его возможностей. Для нужд скотоводов выделяла община поля для пастбищ *хьунIэ*, сенокосные угодья – *мэкьунIэ*, с участием всех жителей села

строили загоны для скота, стригли овец, таврили лошадей, готовили необходимое снаряжение для пастухов и чабанов, отправляющихся на летние и осенне-зимние стоянки и т.д.

Особо отметим в данной связи, что у кабардинцев обычно в конце мая – начале июня почти весь скот переправляли на альпийские луга, где огромные табуны коней, тучные стада овец и крупного рогатого скота паслись до сентября. Затем чабаны и пастухи возвращались на равнину и вновь отгоняли значительную часть откормленных за лето животных еще дальше на север в степи Предкавказья, на летние пастбища, известные под названием Курей и Сотей. В течение короткого времени зимней стужи (январь, февраль, начало марта) животных держали в крытых загонах. Затем переводили на подножный корм, а уже в конце мая готовили к очередному перегону на альпийские луга, где почти весь скот жителей Кабарды находился, как сказано выше, до конца августа – начала сентября.

Все эти передвижения сопровождалось созданием временных, а часто и постоянных поселений, хуторов, станов, как в степях, так и в горах Кабарды, на ее огромных рубежных территориях.

С переложно-залежной системой земледелия и подвижным скотоводческим хозяйством органически связаны, как мы видим, регулярные переносы кабардинских и всех других равнинных черкесских хозяйств и поселений, включая сюда и переносы с истощенных земель, на другие – залежные или целинные¹⁰. Следует сказать при этом, что к переходу на новое место жительства тщательно готовились. Важной частью такой подготовки считалось масштабное очищение покидаемого хутора или села и его окрестностей от мусора, от всех отходов и остатков жизнедеятельности. Обычно все, что из этого можно было собрать, сжигалось. По-видимому, это делалось не только в гигиенических, но и магических целях. Иногда, по тем же соображениям, вслед за этим весь отслуживший участок распахивали, что было особенно характерно для равнинной и предгорной части Кабарды.

Мы убеждаемся, таким образом, что хорошо отработанная в течение многих столетий система подвижного земледелия и землепользования определяла во многом общий характер внутренней организации и использования экзистенциального пространства Черкесии. И была, безусловно, достаточно разумна и эффективна.

Во-первых, благодаря регулярному переходу с истощенных земель на плодородные, целинные и залежные эта система способствовала повышению урожая зерна, эффективности сельскохозяйственного производства в целом.

Во-вторых, она удачно дополняла столь же подвижное, динамичное отгонное скотоводство, развивала сходные во многом традиции, обычаи и навыки наилучшего распределения и изменения места и времени осуществления хозяйственной деятельности.

В-третьих, подвижное земледелие позволяло покинуть загрязненную отбросами территорию и перейти на чистое, не загрязненное место. В целом это значительно улучшало санитарные условия жизни населения, становилось достаточно простой и надежной защитой от распространения инфекций, дополняя множество других, распространенных и неукоснительно соблюдаемых в Черкесии общих правил гигиены и связанных с ними способов и средств предотвращения болезней.

Заметим также, что в период Кавказской войны навыки подвижного земледелия и скотоводства были использованы для ухода черкесских поселений и войск из под удара наступавшей русской армии. Царским генералам долго и не всегда удавалось приспособиться к маневрам и быстрому перемещению намеченных для захвата и грабежа черкесских сел в другие, скрытые и лучше защищенные места. Достаточно вспомнить в этой связи осуществленный в 1822 г. стремительный, даже не замеченный царскими военачальниками переход 15 тыс. кабардинцев по северной кромке Главного Кавказского хребта за Кубань, на берега

Зеленчука, Урупа и Лабы, где очень скоро они расселились в воссозданных на этом месте 62 селах¹¹.

В дополнение ко всему сказанному следует сказать, что в период феодализма связанные с переложно-залежной системой переносы кабардинских сел с места на место производились неизменно с разрешения, под руководством и по прямому указу феодала-вотчинника¹², который, в свою очередь, согласовывал свое решение с другими соседними владельцами. Кроме того владельцы сел принимали прямое участие в подготовке к пахоте, севу, жатве и уборке урожая, а также в организации перегона скота на горные (летние) и осенне-зимние (степные) пастбища, осуществляя общее руководство всем процессом сельскохозяйственного производства. В частности, только с их согласия, в назначенный ими день и по их сигналу крестьяне выходили на пахоту, сев, жатву, приступали к перегону скота на летние и осенне-зимние пастбища. Только с его разрешения, после выполнения всех поставленных задач возвращались домой.

Под прямым руководством владельца села весной и осенью осуществлялся выезд вооруженного отряда в поле для присмотра за работой крестьян и их охраны от нападений соседних феодалов.

Обычно это были хорошо вооруженные отряды, организованные и действовавшие по типу мужских союзов¹³, совмещая охрану своих подданных и надзор за их работой с охотой на диких животных и наездничеством. В описании кабардинского народа, составленном в мае 1748 г., есть прямое указание на этот счет: «Владельцы их весной и в осень во время сева и собирания хлеба выезжают в поле и прикрывают работу своих подданных; и каждый владелец с своими узденями имеет особливый стан в скрытых и крепких местах, откуда и на воровство, и по их для добычи ездят на Кубань и в другие горские места, они ж тогда стреляют аленей и диких коз и собаками травят зверей. И для всего того в поле бывают месяца по два и больше и меньше»¹⁴.

О том же, но без указания на использование княжеско-дворянской охраны для охоты и набегов писал С. Броневский. «Князья и дворяне, – пишет он, – разъезжали по полям конновооруженные как для надзирания за сельскими работниками, так и для прикрытия работников, и живут месяца по два в лагерях (кошах) со всею воинской предосторожностью»¹⁵. Вслед за С. Броневским аналогичным образом описывает этот институт И.Ф. Бларамберг: «Во время уборки урожая и сенокоса князья и дворяне, вооруженные до зубов, объезжают верхом свои поля как для того, чтобы проследить за работами, так и для того, чтобы защитить своих крестьян; в течение месяца или двух они остаются на полях, принимая всевозможные военные предосторожности»¹⁶.

По-видимому, в XIX в. в институте мужских союзов весь акцент сместился на защиту земледельцев и скотоводов, занятых своим делом на полях и пастбищах Кабарды. При этом наездничество все еще сохранялось, трансформируясь в форму вооруженного противостояния княжеско-дворянских отрядов набегам российских войск.

Не исключено, таким образом, что некоторые базовые принципы сложившихся в Черкесии форм первичного производства уходят своими корнями в «подвижно-оседлое» земледелие майкопской культуры¹⁷. Отсюда часто встречающаяся в литературе оценка сложившейся у черкесов, и особенно у кабардинцев, системы земледелия как весьма архаичной, почти первобытной¹⁸. С этим можно согласиться. Но только лишь в том смысле, что сравнительно высокий уровень традиционного земледелия сложился у черкесов в глубокой древности, возможно, еще во времена расцвета майкопской культуры. И затем поддерживался и развивался вплоть до начала XX в.

В то же время и, пожалуй, в первую очередь эта система была хорошо продумана и организована как наиболее пригодная для экологической ниши Кабарды,

для плодородной Кабардинской равнины. Простираясь на многие сотни километров в предгорьях Кавказа, она удачно дополнялась хорошо приспособленными для отгонного скотоводства запасными горными и степными районами на юге и севере Кабарды.

В плане историческом, по своим корням, уходящим в майкопскую культуру, эта система была, повторяем, архаичной. Но в то же время, экономически выверенной и целесообразной, наилучшим образом приспособленной к обширным ровным пахотным угодьям кабардинцев¹⁹. Переложно-залежная система земледелия в Кабарде позволяла не только удовлетворять в полной мере потребности ее жителей в хлебе, но и в большом количестве накапливать излишки сельскохозяйственного производства, чтобы сбывать их практически всем соседним народам. По сложившейся традиции зерно, производившееся кабардинцами сверх собственных нужд, скупали (либо обменивали на мелкий и крупный рогатый скот и продукты животноводства) горские народы Кабарды – ингуши, осетины, балкарцы, карачаевцы, и кроме того, в большом количестве – ногайцы также, включенные в социально-экономическую систему Кабарды.

С конца XVI в. в большом количестве закупали хлеб у кабардинцев и русские поселенцы.

Главным условием возникновения и сохранения традиций перелога и залежа оставалось обилие земель. В XIV–XVII вв. территория Кабарды занимала громадную для рамок Кавказа территорию. Она достигала временами свыше 100 тыс. кв. км при сравнительно малой для такой территории численности кабардинцев – в пределах 500–700 тысяч жителей. При этом пашни, сенокосы, пастбища и леса Кабарды вплоть до устья Терека на востоке, развалин Маджар на севере, Малой Лабы на Западе, Кавказского хребта на юге занимали огромные пространства. «Удаляясь на многие десятки и даже сотни верст от поселений»²⁰, они составляли материально-ресурсное пространство страны, своего рода рубежные территории, используемые регулярно для хозяйственных нужд²¹.

Разрушение традиционной системы земледелия

С утратой восточных земель в низовьях и устье Терека в XVII – начале XVIII вв. и затем в ходе русско-кабардинской войны 1763–1825 гг. территория Кабарды уменьшилась более чем в 10 раз, а численность в 10–15 раз. В 1804 г. по данным И.Ф. Бларамберга, «в Большой Кабарде проживало 30 тысяч семей, а в Малой Кабарде – 15 тысяч семей»²². Это означает, что, несмотря на кровопролитные сражения предыдущих трех десятилетий, в Кабарде оставалось даже по самым скромным подсчетам около 500–600 тысяч жителей. Однако в результате экспансии русских войск и эпидемии чумы 1810–1812 гг., а затем и в ходе жестоких сражений 1822–1825 гг., численность кабардинцев резко уменьшилась и фактически Кабарда (как одно из самых значительных государств Кавказа) прекратила свое существование.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. численность кабардинцев составляла лишь около 50–60 тыс. человек. Включая сюда около 15 тысяч жителей, бежавших в неподконтрольную Российской империи Западную (Закубанскую) Кабарду, где на берегах Зеленчука, Урупа, Малой и Большой Лабы они образовали автономную «Хаджиретскую Кабарду». Она состояла, как сказано выше, из 62 аулов, что позволяет думать, что численность так называемых беглых кабардинцев по разным причинам сильно занижалась всеми, кто об этом писал, в том числе и Хан-Гиреem.

Резко сократился вследствие этого и объем пашни, нарушив сроки и порядок действия переложно-залежной системы. Во многих селах из-за недостатка пашни посевным угодьям не давали отдыха по 20–30 лет. К минимуму была сведена

не только площадь залежных земель – *взыжь, хъэсэнлэжь*, заметно снизилось к тому же и ее качество. По понятным причинам резко ухудшились вместе с тем все, в том числе и санитарные условия жизни и деятельности остатков кабардинского населения. От холода, голода и болезней умирали тысячи, десятки тысяч мирных жителей.

В начале XIX в., в разгар русско-кабардинской войны, из-за скученности населения, вынужденного бежать от царских войск в леса и горы, в Кабарде, как сказано выше, разразилась чума, унесшая сотни тысяч жителей. Используя это обстоятельство, царские генералы стремились окончательно сломить сопротивление Кабарды. Русские войска уничтожали на захваченных кабардинских землях запасы хлеба и сена, захватывали и присваивали себе огромные табуны лошадей и стада крупного рогатого скота. Беспощадно убивали не только защищавших свою землю воинов, но и в массовом порядке мирное население, включая детей, женщин, стариков²³. По мнению Т.Х. Кумыкова, именно тогда родилась пословица *Емынэм къелар Хъумбалейм ехъыж* – «Что осталось от чумы, река Хумбалей (Камбилеевка) унесла». В ней отражены трагические события 1810 г., когда после длившейся несколько лет эпидемии чумы, резко сократившей численность кабардинцев, на них, воспользовавшись этим, обрушились войска Булгакова и других царских генералов и, достигнув реки Камбилеевки, уничтожили на своем пути 200 селений²⁴.

Катастрофа Кавказской войны отразилась, естественно, и на культуре земледелия кабардинцев. Во второй половине XIX столетия в сфере землевладения и землепользования произошли кардинальные изменения, создававшие неразбериху, разного рода курьезные ситуации. К примеру, в Большой Кабарде ощущался большой недостаток рабочей силы, способной заниматься земледелием, так как подавляющее большинство крестьян было уничтожено. По этой причине некоторые владельцы были лишены возможности освоить в полной мере даже ту, мизерную часть пашни, которая оставалась в их распоряжении. И потому иногда продавали (нередко, из-за переселения в Турцию) или сдавали ее в аренду казакам и горским племенам. Это была, конечно, вынужденная мера, которая стала прямым следствием **геноцида** и **этноцида** кабардинского народа в войне и, как продолжения этого геноцида – последовавшего за этим их массового выселения в Турцию. Поэтому едва ли правомерно, вслед за Б.А. Калоевым, рассматривать действия некоторых кабардинских владельцев в этих условиях как один из «признаков слабого развития земледелия в Большой Кабарде»²⁵.

Не хочу акцентировать внимание на том, насколько уместны такого рода обобщения. Подчеркну только еще раз, что в данном конкретном случае, также как и во всех других подобных ситуациях, речь может идти лишь о последствиях поражения черкесов в Кавказской войне, их геноцида и изгнания в Турцию. То есть о том, что вся традиционная, хорошо налаженная система хозяйствования и обращения с землей была либо подорвана, либо безвозвратно исчезла вместе с ее создателями и носителями.

Применительно к Западной Черкесии, подробно рассказывает об этом И.Н. Клинген в своем капитальном труде «Основы хозяйства в Сочинском уезде»²⁶. Этноцид черкесов автор рассматривает не только как национальную трагедию этого народа. Намеренное отлучение адыгов от родной земли, которую они любовно, умело, с большим знанием дела использовали в различных сферах материального и духовного производства, он рассматривает как утрату бесценного опыта и навыков хозяйствования в природно-климатических условиях Северо-Восточного Причерноморья, как масштабную экологическую катастрофу, которая пагубно отразилась на культурном ландшафте обезлюдевшей территории Западного Кавказа.

Это касается, конечно, не только земледелия, но неразрывно связанного с ним животноводства. Достаточно сказать, что совершенно расстроилась система пользования пастбищами. И это понятно. Степные пастбища Кабарды – Курей и Сотей были отрезаны и заняты русскими поселенцами. А горные пастбища в южных районах Кабарды и Черкесии перешли в руки казны. Поэтому, по словам И.Х. Калмыкова, сельские общества вынуждены были арендовать у российских властей свои собственные летние пастбища²⁷. Ссылаясь на сведения Н. Динника²⁸, он пишет также, что в условиях складывающихся капиталистических отношений этим пользовались некоторые состоятельные лица. Скупив (взяв в аренду) на определенный срок у казны пастбищные земли, они сдавали их потом за более высокую цену в аренду сельским обществам.

Хлебные злаки

Среди полевых культур первое место занимали с древнейших времен просо – ху, ячмень – хьэ. Причем именно просо стало со временем преобладающим в сельскохозяйственном производстве, а хлеб (паста) и другие продукты и блюда из пшеницы **основными** в рационе питания черкесов. Пшено использовалось также как лучший корм для лошадей, которых в адыгской культурной традиции воспринимали как благородные создания, связанные с человеком узами братства, товарищества, даже родства²⁹.

В небольшом количестве выращивали также полбу – *гъашэ*, мягкие сорта пшеницы – *гуэдз*. Овес – *зэнтхъ* возделывали, как полагает Л.И. Лавров, по крайней мере с периода раннего средневековья. «Во всяком случае, – пишет он, – адыгское название овса (зантхъ) относится к числу старых самобытных терминов, не поддающихся толкованию при помощи иранских, картвельских и тюркских языков, хотя этот же термин в несколько измененном виде был заимствован от адыгов осетинами, сванами и балкарцами»³⁰.

Черкесское название овса вошло и в словарный фонд карачаевского языка³¹.

С XVIII в. начали возделывать кукурузу. Очень быстро этот злак распространился во всей Черкесии. Наряду с просом он стал восприниматься как «национальный» хлебный злак, получив название «богатырского проса» – *нартыху*, что связано, по мнению И.Х. Калмыкова с большой по сравнению с просом, величиной зерен кукурузы³², но, возможно, и со сравнительно большой урожайностью этого злака. Вслед за кабардинцами кукурузу стали производить соседние народы. Об этом свидетельствует, судя по всему, заимствование адыгского названия кукурузы – *нартыху* абазинами, карачаевцами, ногойцами³³, а также, как нам известно, – балкарцами.

Несмотря на разнообразие хлебных злаков и наибольшее распространение в обозримом прошлом проса и кукурузы, подавляющее число черкесских терминов и слов, связанных, так или иначе, со злаковыми растениями, с их производством, переработкой, использованием в пищу, имеет в своей основе формант *хьэ*, являющийся изначально названием ячменя, ср.:

хьэ-дзэ – «семя», «зерно», *хьэ-ццлй* – «рожь», *хьэ-цэпцэ* – «колосовые (злаковые, хлебные) растения», *хьэсэ* – «участок пахотной земли», «посевное поле», «грядка», *хьэсэпцэжэ* – «залежь», «залежная земля», *гъатхэпэ хьэ-сэ* – «весенний сев», *бжъы-хьэ-сэ* – «осенний сев», *хьэ-м* – «ток», *хьэ-мэи* – «гумно», *хьэ-уазэ* – «солома», *хьэ-вэ* – «скирда», «стог», *хьэ-жыгъэ* – «мука», *хьэ-кьурт* – мука из жареной кукурузы, *хьэ-бывэ* – поминальная пища, включавшая в себя ячмень и (или) пшено, *хьэ-лу*, *хьэ-тыкь* – «чурек» (маленькая лепешка обычно из кукурузной или ячменной муки), *хьэ-лыгъэу* – «хлеб», «сдобный хлеб», *хьэ-лыгъуанэ* – «бублик», *псы-хьэ-лывэ* – «вареники», *хьэ-ламэ* – вареная лепешка из просяной или кукурузной муки, *хьэ-лывэ* – «пирог», «пирожок», *хьэ-лджей*

(*хьэлжсьей, хьэ-джей*) – хлеб из ячменной или кукурузной муки, *хьэ-гулывэ* – «ячменный суп», *хьэ-нтхьупс* – «суп» (из пшена, дробленой кукурузы и др.).

Помимо всего прочего, эти факты свидетельствуют о том, что в языке и языковом сознании черкесов закрепилось представление о том, что самой древней земледельческой культурой является ячмень. По-видимому, ячмень использовали активно еще в период неолита при переходе от присваивающего к производящему хозяйству, когда климат в местах расселения протоадыгских племен (Северная Анатолия и Кавказ) был суровым и позволял вызревать в течение лета только этой культуре. В любом случае, приведенные выше данные черкесского языка ставят под большое сомнение утверждение, согласно которому «в отличие от горных зон региона (северо-кавказского – *Б.Б.*) на равнине ячмень никогда не был преобладающей культурой»³⁴.

В черкесском языке элемент *хьэ*, вообще говоря, является обозначением всего живого на земле. В том числе растений и особенно хлебных злаков, что отдаленно напоминает лексическую систему русского языка, в которой название ячменя и других зерновых культур – «жито» связано со словом «жизнь». Однако языковое сознание адыгов идет в этом отношении еще дальше. Семантика *хьэ* лежит в основе множества слов, используемых для выделения живой природы из неживой. Отсюда слово *Тхьэ* – «Бог» с внутренней формой «творец жизни» и наполненное таким же, религиозным, содержанием обозначение Бога плодородия: *Тхьэгъэлэдж* – «Бог (творец) растений»³⁵.

Имя Бога плодородия было прямо связано с культом пищи и использовалось как синоним слова «хлеб». За накрытым столом, чтобы подтвердить свои слова клятвой, брали в руки кусок хлеба и говорили: *Тхьэуэ мыр зи Тхьэгъэлэдж!* – «Этим Богом Тхагаледжем клянусь!». Строго соблюдалось правило, по которому, накрывая стол, ставили на него сначала традиционную пасту из пшена – аналог хлеба. Начиная трапезу, положено было сначала взять в правую руку кусочек пасты и поблагодарить Бога за ниспосланную пищу. Поэтому участник праздничного застолья мог быть даже наказан за то, что приступая к еде, взял в руки мясо или рюмку водки, вместо пшенной пасты.

Но приведенные выше данные языка свидетельствуют о том, что ячмень, а не просо является у черкесов самой древней земледельческой культурой, которую предки черкесов и других народов Кавказа возделывали, по-видимому, еще в период неолитической революции, в самом начале эпохи производящего хозяйства.

Судя по всему, еще в доисторические времена ячмень и блюда из ячменя легли в основу культуры питания протоадыгских племен и определили некоторые специфические и очень важные черты древней религиозной системы и мифологии. В этой системе верховное божество Тха (Тхашхо) и особенно Бог плодородия Тхагаледж, воспринимались как покровители пашенного земледелия. Тхагаледж один из самых значительных богов языческого пантеона черкесов. Его представляют обычно как первого и великого пахаря и жнеца, удивлявшего нартов своими умениями, знаниями, могучей силой. А именно: способностью пахать так быстро, что нарты на своих быстроногих конях не могут нагнать его плуга, собирать громадный урожай проса, в котором, сто жмень в одном снопе, сто снопов в одном стоге, сто стогов в одном возе, сто возов в одной скирде. И восемьсот скирд в общей сложности³⁶.

Мы видим, что в нартском эпосе, который сложился в основе своей в эпоху кобанской культуры, речь идет во всех случаях о севе, уборке и употреблении в пищу проса, а не ячменя. По всей вероятности, уже в период бронзового и железного века у предков черкесских племен ячмень уступает свое место просу. В качестве главной земледельческой культуры просо заменило собой ячмень, возможно,

еще в период расцвета майкопской культуры. Находки проса в захоронениях и на городищах позднего бронзового века свидетельствуют о том, что этот злак сохранил за собой первенство и в последующее время.

По мнению В.А. Городцова и А.В. Арциховского, просо было основной зерновой культурой в северокавказских степях уже в начале II тыс. до н.э., когда здесь распространились и тесно взаимодействовали с северокавказцами первые племена катакомбной и срубной культуры³⁷.

Подчеркивается вместе с тем, что не только в районах Предкавказья и Поволжья, но и во всей Южной России просо под влиянием кавказского культурного течения стало основной земледельческой культурой. Об этом, как отмечается, свидетельствует тот факт, что в днепровских, донецких и волжских погребениях катакомбной культуры при покойниках находят часто просо и никогда не находят других злаков³⁸. Встречаются при погребениях и зернотерки. С этим столкнулся еще в начале XX в. В.А. Городцов. В катакомбных захоронениях в районе Донца он обнаружил на дне многих сосудов заупокойную (напутственную) пищу. В одних случаях это было темнубурое, в других желтоватое вещество. «Темнубурое вещество, – пишет Городцов, – имело вид засохшей крови и перегорелого, пересохшего мяса, за каковые оно и принимается. Желтое вещество походит на мелкий песок, но, при более внимательном изучении, в нем узнавались зерна проса или пшена»³⁹.

Аналогичные находки В.А. Городцова, Н.В. Анфимова⁴⁰ и др. в Приазовье, Крыму, на Кубани в городищах железного века свидетельствуют о том, что просо было основной земледельческой культурой местных жителей с давних времен. Но наряду с этим они занимались возделыванием ячменя, полбы, конопля, мягких сортов пшеницы, бобовых, о чем свидетельствует произведенный в 1935 г. К. Фляксбергом анализ научной литературы о находках хлебных растений на городищах античной эпохи⁴¹.

При этом пшеница в районах, прилегающих к Азовскому и Черному морям, производилась, главным образом, только для торговых целей. По словам С. Фляксберга, это был «период широчайшего экспорта пшеницы с Юга России, включая Крым, в Малую Азию и Грецию»⁴². В то же время местные, меотско-сарматские племена, как свидетельствуют античные историки, для своих собственных нужд производили, главным образом, только просо. О просе, как об основной пище меотов и савроматов сообщает, например, римский писатель конца II – начала III в. н.э. Клавдий Элиан⁴³.

По-видимому, меотские племена (по преимуществу предки адыгов) использовали пшено и хлеб из пшена – пасту, как основной в рационе питания и в большом количестве возделывали просо не только в Приазовье, но и на просторах Кубани. Не зря в адыгской мифологии именно просо постоянно упоминается как священный злак, преподнесенный нартам (за их подвиги) в дар Богом плодородия Тхагаледжем. Народ, в свою очередь, всячески подчеркивал почтение своему любимцу Тхагаледжу. По каждому сколько-нибудь значимому случаю и особенно во время пахоты, сева, жатвы ему приносили кровавые жертвы, прославляли в гимнах, то-стах, молитвах, клялись его именем с куском хлеба в руках. После уборки проса в его честь оставляли в поле один сноп под названием *Тхьэгьэлэдж* и *пхыр закьуэ* – букв. «сноп Тхагаледжа» и просили его не оставлять их и впредь без урожая. При изготовлении пасты из проса нового урожая, хозяйка брала отдельно пригоршню пшена и бросала в котел, сопровождая словами *Тхьэгьэлэдж* и *Ихьэ* – «Тхагаледжева доля»⁴⁴.

Просо или пшено находят постоянно и на северокавказских поселениях средневекового периода, включая также и Крым. Так, в 1937 г. в ходе раскопок под руководством Н.И. Репникова близ деревни Черкес-Кермен, где в период средневековья жили, по всей вероятности, черкесы, были обнаружены семена проса и

конопли. Их нашли в подвале жилища XIII в. вместе с обломками глиняных сосудов⁴⁵. В 1935 г. экспедиция под руководством М.И. Артамонова нашла семена проса и ячменя на дне зерновой ямы, расположенной на месте, где стоял город Саркел хазарского периода⁴⁶. В окрестностях этого города, особенно в низовьях Дона, по мнению М.И. Артамонова, по всей вероятности, также жили черкесы. Сообщается, в частности, что погребения, на которые наткнулись жители Багаевской станицы, они приписывали (ссылаясь на местные предания) черкесам⁴⁷.

Аналогичные находки в местах, связанных с обитанием черкесов, были сделаны археологами и в последующее время⁴⁸. И это свидетельствует в целом о том, что на протяжении, по крайней мере, последних 4–5 тысячелетий просо оставалось главной земледельческой культурой адыгов и многих других народов Юга России и Предкавказья.

Не случайно в черкесском языке корень *мэш*, означающий «просо на корню», в соединении с корнем *мэкъу* – «сено» лег в основу ключевых терминов, соотносимых с сельскохозяйственным производством в целом. Ср.: *мэкъумэшыццІэ* – «земледелие», «земледелец, крестьянин», *мэкъумэш* – «урожай зерновых», «сельское хозяйство». В этих конструкциях отражаются и некоторые, главные особенности традиционной культуры земледелия черкесов, в том числе органическая связь переложно-залежной системы с заготовкой сена и, следовательно, с нуждами скотоводов, которые обеспечивали народ не только полноценной мясной пищей и превосходными скакунами, но и основной тягловой силой, используемой для плужного земледелия. Считалось, вместе с тем, что скотоводство, в свою очередь, не может развиваться успешно без знаний, умений и навыков переложно-залежной системы, земледельческого труда в целом.

Таким образом, в традиционном хозяйстве и в самом сознании адыгов не было резкого разделения труда земледельцев и скотоводов. Кабардинский земледелец – *мэкъумэшыццІэ* был одновременно и достаточно опытным скотоводом – *Іэщыхъуэ*. И это нашло отражение даже в мифологии, где покровитель земледельцев Тхагаледж и покровитель скотоводства Амыш представлены как братья, один как хлебопашец, а второй как чабан⁴⁹. Третьим братом называют иногда Тлепша – Бога железа и кузнечного ремесла, что связано, видимо, с огромным значением железа и кузнечного ремесла в развитии земледелия и скотоводства. При этом наибольшей силой, добротой, благородством наделяют, безусловно, Тхагаледжа, которого представляют обычно как могучего пахаря, иногда как старца «с белой до пояса бородой и с золотым посохом в руке»⁵⁰.

Пшено и кукуруза в культуре питания адыгских народов

В период средневековья, а затем и нового времени пшено оставалось доминантой всей традиционной культуры питания адыгов. В то же время ячмень имел лишь вспомогательное значение как корм для скота и лошадей, в редких случаях как основа для приготовления ритуальных блюд.

Из круто сваренного пшена, как сказано выше, готовили пасту и в большинстве своем ели ее, нарезаая кусками как хлеб, жарили хлеб из просяной муки – *ху мэжаджэ*. Практически каждый день готовили и ели пшенный суп – *ху хьэнтхъулс*, заправленный кислым молоком или сметаной, добавляли нарезанный маленькими кусочками сыр. На десерт подавали иногда *сэку* – пшено, обжаренное в смеси топленного сливочного масла с орехом и медом.

Учитывались все полезные свойства пищи, приготовленной из пшена: поддержание сил и энергии организма, предотвращение ожирения, старения, усиление лактации у кормящих матерей и т.д. Считалось, что мясо, необходимое для

поддержания жизненных сил, имеет наилучший эффект лишь в соединении с пастой, приготовленной из пшена. С пастой или с супом из пшена ели также сыр, различные виды овощей. Особое внимание уделялось роли пшена в становлении детского организма, в том числе и в формировании у роженицы полноценного грудного молока. В недавнем прошлом, в дом, где родился ребенок, в течение нескольких недель женщины со всей округи приносили сваренный на молоке пшенный суп и поили этим супом роженицу, объясняя ей пользу, которую в ее положении приносит такой суп. Это блюдо так и называлось: *фыз лъхуа хъэнтхъуц* – «хантхуц для роженицы».

Заметим в данной связи, что в настоящее время выявлены многие свойства пшена, оказывающие благотворное влияние на организм человека. Среди них способность регулировать уровень гемоглобина в крови, улучшать внешний вид за счет стимуляции питания клеток кожи и выработки коллагена, поддерживать мышечный тонус, улучшать реакцию и внимательность, снабжать организм жизненно необходимыми минеральными веществами: фолиевой кислотой (необходимой для беременных и кормящих матерей), цинком, железом, фосфором, селеном, фтором, кремнием и т.д. Кроме того, пшено обладает, как выясняется сейчас, хорошими антиоксидантными свойствами.

Особо следует сказать, что из пшена готовили знаменитый черкесский хмельной напиток *махъсымэ* (в русск. транскр. «махсыма»), аналог древнеиндийской сомы и иранской хаомы⁵¹. Махсыма был признан повсеместно чудодейственным средством, способствующим поддержанию тонуса и жизненных сил, успеху во всех важных делах и начинаниях. Его пили обычно во время праздничных пиров, сообщая, по кругу, рассматривая данный детально разработанный и сложный ритуал как священнодействие. Священным и богоугодным считался и сам этот напиток, название которого восходит, как видно, к индоиранскому *sauma* – *сома* (иранский аналог – *хаома*), опьяняющему напитку, который в Древней Индии выжимали из стебля горного растения *сома*. Индийцы считали этот напиток священным, божественным и называли обычно «млековидным», «золотоцветным».

Как видно, по этой причине и у черкесов махсымэ называли «светлым (белым) хмельным напитком» – *фадэ хужь*. Противопоставляя его, тем самым, водке как «темному (черному) хмельному напитку» – *фадэ флыцлэ* и медовухе – *фадэ плъыжь*⁵². Не исключено, вообще говоря, что термин *махъ-сымэ* изначально санскритский, в котором первый компонент *махъ* восходит к слову *machi* – «великий», а второй к *soma* – названию растения, из которого изготовлялся священный напиток в Древней Индии.

Махъсыма – это, таким образом, сложнопроизводное слово с буквальным значением «Великая (божественная) сома».

Еще одно сходство черкесского махсыма с индоиранским сома в том, что он ассоциировался с субстанцией, в которой пребывает само божество. У индийцев это Бог Сомы⁵³, у черкесов Бог плодородия Тхагаледж. У черкесов, если к столу подавали махсыма, то обычно говорили *Тхьэгъэлэджыр къытэхъац* – «Тхагаледж явился». В повседневном общении вполне уместным считалось использовать имя Тхагаледж вместо махсыма, например: *Тхьэгъэлэдж дегъафэ* – «Выпьем Тхагаледж»; *Тхьэгъэлэдж дефац* – «Тхагаледж выпили» (Патов А.Х., 1896 г.р., Бесленей, Карачаево-Черкесия). Гегуако – распорядители народных праздников, держа в руках чашу с махсымой, начинали свою речь со слов: *Тхьэуэ мыр зи Тхьэгъэлэдж* – «Бог этот Тхагаледж!» (Хапамцивов Ж.Х., 1901 г.р., Зеюко, Карачаево-Черкесия).

Черкесский Тхагаледж (также как и индийский Сомы) рассматривался как друг и спаситель людей, как главный и объединяющий всех присутствующих персонаж всякого застолья. Согласно замыслу черкесских коллективных трапез и пиров,

отпивая из круговой чаши напиток, ассоциирующийся с Богом, участники застолья приобщались к его силе и могуществу, обретали ясность ума и бодрость духа, непоколебимую уверенность в преодолении всех препятствий на пути к удаче.

Наконец, особо следует сказать о традиционной адыгской халве – *хьэлыуэ*, «халыуа», основу которой составляла просяная мука с медом. Обычно халву готовили и подавали по случаям праздничных торжеств и траурных (поминальных) обрядов и ритуалов. И это все еще живая и широко распространенная традиция. В то же время, халыуа в составе черкесской кухни является таким же древним блюдом, как и напиток махсыма. Не исключено, что из адыгской кухни это лакомство вместе с его названием было заимствовано многими другими народами Евразии, в том числе и некоторыми индоевропейскими.

Блюда из пшена считались, как правило, наиболее престижной, изысканной, божественной пищей. Не зря в традиционных черкесских тостах Боги языческого пантеона предстают неизменно как почетные гости дома, в котором проходит торжество, как участники праздничных трапез и застолий. Без традиционной адыгской пасты садиться за стол (будничный, праздничный, поминальный – без разницы) считалось не вполне приличным, недостойным взрослого, благородного человека, настоящего адыга.

Особым, благоговейным отношением к пшенице и блюдам из пшена адыги разительно отличались и отличаются сейчас от других народов мира. Отличаются, в том числе, и от народов Северного Кавказа, у которых просо практически не производилось, и, соответственно, блюда из пшена в рацион питания не входили. Вследствие этого пшено, по утверждению этнографов, выступало в роли одного из важных «этнических маркеров адыгского мира»⁵⁴. Но дело не только в этом. Большое и символическое, ценностно-нормативное значение имели блюда и напитки, приготовлявшиеся из пшена, среди которых особое место занимали паста, заменявшая хлеб, махсыма, как священный напиток и традиционная халва.

Из всего вышеизложенного следует, что на протяжении многих тысячелетий пшено и блюда из пшена оставались неотъемлемой частью религиозной культуры черкесов.

В адыгском нартском эпосе Тхагаледж не зря выступает как покровитель растений. Его почитали повсеместно как Бога плодородия, подарившего людям первые семена проса. Как первого земледельца, научившего возделывать этот злак на просторах Северного Кавказа⁵⁵. Вот почему все хлебные злаки, но особенно просо и вместе с ним блюда из проса, так или иначе ассоциировались у адыгов с Тхагаледжем и были наполнены глубоким религиозным и нравственным содержанием и смыслом. С образом Тхагаледжа, как было сказано выше, был связан и весь процесс выращивания проса, начиная с пахоты и сева, заканчивая жатвой и уборкой урожая. Обращение к нему перед пахотой и во время пахоты, перед севом и затем во время уборки урожая создавали ощущение прямого, зримого участия Тхагаледжа в труде и результатах труда земледельцев.

Собственно, этими верованиями и традициями и также, конечно, высокими полезными свойствами пищи, приготовленной из пшена, объясняется во многом тот факт, что объем производимого адыгами проса значительно превышал объем всех других полевых культур. Одним словом, религиозно-магические, мифологические представления и образы, так или иначе связанные с пашенным земледелием, только усиливали рациональные основания возделывания проса как главного хлебного злака в Черкесии. Поэтому в любом случае не вполне справедливы, мягко говоря, постоянно повторяющиеся высказывания некоторых этнографов считавших, что преобладание проса в числе возделываемых в Черкесии хлебных злаков, является признаком отсталости земледелия в этой стране.

Следует отметить в данной связи, что у кабардинцев даже во второй половине XIX в. объем производимого проса достигал 80–90% от всех других хлебных злаков. Так, согласно архивным данным, из общего количества хлеба, собранного в Кабарде в 1867 г., 88% составляло просо, 8% – кукуруза и только 4% – пшеница⁵⁶. То же самое наблюдалось и у западных адыгов. Согласно годовому отчету Лабинского военного округа за 1867 г., местные адыгские племена (хатукаевцы, темиргоевцы, бжедуги и др.) производили и употребляли в пищу преимущественно просо и часть кукурузы.

Показательно, что получив название «нартского (богатырского) пшена» – *нартыху*, кукуруза быстро распространилась среди черкесов и была окружена почти таким же ореолом святости, как и пшено. В повседневный обиход вошли кушанья из кукурузной муки: *мэрэмысэ* или мамалыга, *хьэлү* – лепешки, отодвинувшие на второй план лепешки из пшена и ячменя. Из кукурузной муки готовили многие семьи даже пасту, как аналог пасты из пшена, а также традиционный хмельной напиток махсымэ. Любимым блюдом черкесов стали кроме того вареные и особенно жареные початки кукурузы, а также супы из дробленой кукурузы – *нартыху эттеуда хьэнтхьунс*. В обычной черкесской семье, вследствие этого, кукуруза должна была находиться всегда, что называется, под рукой. Вот почему вплоть до 50-х гг. XX в. приусадебные участки адыгов засевались почти целиком кукурузой.

Существует, видимо, связанное с ролью кукурузы в домашнем хозяйстве мнение, согласно которому «в первое время кукуруза была огородной культурой. Ее сеяли на приусадебных участках наряду с огородными культурами и употребляли только в жареном виде. Затем сфера ее применения расширилась. Благодаря своим качествам кукуруза постепенно заняла одно из первых мест в адыгском полеводстве»⁵⁷.

Судя по всему, очень скоро объемы производства и потребления кукурузы резко и многократно возросли и настолько, что она стала выращиваться не только для собственных нужд, но и для продажи соседним народам, в том числе и заморским. По свидетельству Т. Лапинского, в Западной Черкесии кукурузу закупали в большом количестве турки. Ср.: «В последнее время получило весьма большое распространение возделывание кукурузы – отчасти по причине большого плодородия этого вида хлебного злака, урожай которого здесь очень высокий, отчасти же потому, что турецкие хлеботорговцы охотнее всего покупают кукурузу и лучше всего за нее платят»⁵⁸.

Данные XIX в. свидетельствуют, таким образом, о том, что для собственных нужд в питании адыги сеяли главным образом только просо и кукурузу и в небольшом количестве ячмень и полбу. Все другие хлебные злаки, в том числе рожь и пшеницу, они практически «не употребляли, а пускали исключительно на продажу»⁵⁹. Может быть, этим объясняется адыгское название пшеницы – *гуэдз*, которое ассоциируется со словом *гуэдзэ* – «добавление, довесок, излишек». По-видимому, такое соотношение хлебных злаков – традиция, сложившаяся у черкесов давно, во всяком случае, еще в бронзовом веке. Проверенная временем, она была обеспечена обилием плодородных равнинных земель, предрасполагая к переложно-залежной системе, к изобретению и применению тяжелого плуга, единственно возможного для вспашки целинных и залежных земель, степей Предкавказья и Юга России.

Возделывание проса, в качестве главного хлебного злака, в наибольшей степени отвечало как условиям такого типа земледелия, так и сложившейся культуре питания кабардинцев и черкесского народа в целом.

Примечания

1. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 82.
2. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 134.
3. *Латинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 55.
4. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 72–73.
5. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). С. 93.
6. Там же. С. 81.
7. *Баранов Е.* По вопросу о формах землевладения у кабардинцев // Терские ведомости, 1891, 22 августа; *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX – 60-е гг. XX в.). Нальчик, 1971. С. 13–14.
8. *Кларрот Ю.Г.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. Нальчик, 2008. С. 225.
9. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 71.
10. *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957. С. 53; *Меретуков М.А.* Поселения у адыгов // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 43.
11. См. названия этих аулов в книге: *Хан-Гурей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 169–170.
12. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в.. Нальчик, 1994. С. 59–60.
13. *Бгажноков Б.Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 118–122.
14. Описание кабардинского народа, сочиненное в мае 1748 г. // Кабардино-русские отношения. Т. 2. Док. № 119. С. 160.
15. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 133–134.
16. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. С. 71.
17. *Корневский С.Н.* Галюгай I – поселение майкопской культуры. М., 1995.
18. *Максимов Е., Вертепов Г.* Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины. Ингуши, Кабардинцы. Владикавказ, 1892. С. 172.
19. *Османов М.О.* Традиционные типы и система земледелия Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2008. С. 212–213.
20. История Кабардино-Балкарской АССР (С древнейших времен до Великой Октябрьской революции). М., 1967. Т. 1. С. 133.
21. *Бгажноков Б.Х.* Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 12. С. 17–18.
22. *Бларамберг И.Ф.* Кавказская рукопись. С. 129.
23. *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). Нальчик, 1998.
24. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 57.
25. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 85.
26. *Клинген И.Н.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897.
27. *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974. С. 76.
28. *Динник Н.* Горы и ущелья Кубанской области // «Записки Кавказского отдела Русского географического общества». Тифлис, 1885. Т. XIII. С. 22.
29. Отсюда, возможно, закрепившееся в черкесом языке обозначение лошади – *шы*, букв. «брат», которое легло в основу названий этого животного во многих других языках Евразии.
30. *Лаеров Л.И.* Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 25.
31. *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974. С. 86.
32. Там же.
33. Там же.
34. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. С. 80.

35. *Бгажноков Б.Х.* Культ собаки и семантика хъэ в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2016. № 1 (28). С. 17.
36. *Шортанов А.Т.* Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик, 2016. С. 116–117.
37. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Труды XII Археологического съезда. М., 1902. Т. I. С. 182–192.
38. *Арциховский А.В.* Основы археологии. Изд. второе. М., 1955. С. 74.
39. *Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций. М., 1910. С. 268.
40. *Городцов В.А.* О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г., «Советская этнография», 1935, № 3; *Анфимов Н.В.* Меотские поселения восточного Приазовья (Сообщение о новых материалах) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Л., 1950. Вып. 34. С. 85–96; *Он же:* Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1951. № 23. С. 144–154.
41. *Фляксберг К.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.–Л., 1940. Вып. VIII.
42. *Фляксберг К.* Указ. соч. С. 117.
43. *Элиан Клавдий.* Пестрые рассказы. III. 39.
44. *Шортанов А.Т.* Адыгская (черкесская) мифология и культы. С. 123–124.
45. *Фляксберг К.* Указ. соч. С. 118.
46. Там же.
47. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М., 1935. Вып. 131. С. 114.
48. *Прокопенко А.Ю.* О земледельческой культуре Центрального Предкавказья в середине – второй половине I тыс. до н.э. // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 3. С. 75–85; *Минаева Т.М.* К истории земледелия на территории Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1960. Вып. 10; *Лебедева Е.Ю.* Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник. М., 1994; *Она же:* Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2001.
49. Адыгэ Гуэрыуагэхэр (Адыгский фольклор). 1-нэ том. Налшык, 1963. Н. 65.
50. *Кантария М.Ф.* О некоторых пережитках аграрного культа в быту кабардинцев // Ученые записки АНИИ. Этнография. Майкоп, 1968. Т. 8. С. 356.
51. *Бгажноков Б.Х.* Махсыма в застольном этикете черкесов // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2017. Вып. 4 (209).
52. *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. Нальчик, 2008. С. 225.
53. *Рогозина З.А.* История Мидии, второго Вавилонского царства и возникновения персидской державы. СПб., 1903. С. 55–57.
54. *Губжоков М.Н.* Система питания западных адыгов и ее эволюция в период Кавказской войны // Культура и быт адыгов. Майкоп, 2001. Вып. 9. С. 94.
55. *Мижгаев М.И.* Тхагаледж // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 534.
56. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. С. 63.
57. *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. С. 86.
58. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. С. 55.
59. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С.93.

TILLED AGRICULTURE AND GRAIN CEREALS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE KABARDIANS

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head sector of the ancient history and archeology of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru, kbigi@mail.ru

Here is presented the general characteristic of traditions of tilled agriculture of the kabardian circassians, their places in the culture of primary production of the circassian people. It is noted that the way which has developed in Kabarda can be defined as agricultural and cattle breeding at which it is necessary to pay tribute to synergism and rather high development of each of the called types of managing, but there are no bases to speak about an indisputable priority of agriculture or cattle breeding. The short characteristic of system of swidden farming, mobile agriculture and the main grain cereals is given: millet, barley, corn. Special attention is paid to their place in language consciousness and the traditional culture of food of the adyghe and also – in traditional religious and magic representations. It is emphasized that the prevalence of a millet in agricultural production of Adyghe has been connected not with backwardness of agriculture in the Kabarda. Main reasons of the choice of such form of managing: 1) character of the circassian lands and grounds, 2) high useful properties of the food cooked from millet, 3) deep spiritual and moral contents which filled this food.

Keywords: kabardians, circassians, North Caucasus, tilled agriculture, grain cereals, millet, barley, organization of spring and field works, agrarian holidays.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-7-22